

Лорд Хавлок восседал на своем командном троне – место, которое, в какой-то степени, стало такой же его частью, как и его боевая баржа «Злоба». Поддевая черными когтями лоскуты древней плоти, он отдираал их со своего гротескного плеча. Его дьявольское лицо, испещренное шрамами, скривилось от гнева. Повелитель «Злобы» ненавидел свою прежнюю, слабую плоть. Он сбросил лоскуты на пол, позади трона из плоти, и стал внимательно изучать свою новую демоническую кожу. Затемненный командный мостик представлял собой кошмар с развешенными повсюду цепями. Периодически, из решеток на полу, вырывались струи пламени. Прямо под этим полом располагались гладиаторские ямы, бои в который доставляли Хавлоку истинное удовольствие. Рев и предсмертные крики, доносившиеся из ямы, могли соревноваться лишь с пронзительным скрежетом древних двигателей «Злобы». Мостики и возвышавшиеся трапы протягивались от трона до искривленных когитаторов и рунных мониторов, на них размещались полусумасшедшие рабы с иссушенными телами и пленники, доказавшие свою верность в гладиаторских боях. Скованные цепями люди сидели прямо на своих лохмотьях и источали ауру страха по всей «Злобе». На другом конце мостика были установлены гигантские сводчатые иллюминаторы, потрескавшиеся, со старыми следами крови. Сквозь них можно было наблюдать за тьмой космоса. Однако даже в этом мраке можно было разглядеть одно единственное небесное тело, комету Килер. И «Злоба», подчиняясь древним приказам, с огромной скоростью следовала за величественным, багровым монстром. Прямо за богохульно уродливой боевой баржей следовала огромная флотилия. Словно ком снега, катящийся вниз по склону, Злобост продолжал расти. Ежедневно к флотилии присоединялись новые суда. Некоторые из них были военными кораблями, желавшими присоединиться к Кровавому Походу во славу Кхорна. Другие – следовали за убийцами и чемпионами, ведомыми видениями бесконечной резни. Были и захваченные фрегаты, трейдеры и тяжелые транспортники, шедшие с поработанных миров, невинные имперцы, жизнь которых была в когтях Кровавого Бога.

От жестокого обращения и творящегося на кораблях бесконечного кошмара они все ближе и ближе подходили к черте, за которой их ждал Кхорн. Прямо перед иллюминатором стоял Астартес-предатель, освещаемый хвостом кометы и облаченный в древнюю броню тактического дредноута цвета крови и меди. Сама броня была усеяна черепами, цепями и пиками. Оружием десантника были две цепные секиры, которые он крепко сжимал в руках, уткнув лезвия в решетчатый пол. Его шлем представлял собой огромные челюсти, сжимавшие бронзовый шар. Хотя лорд Хавлок был командиром «Злобы», Умбрагг «Бронзовая Плоть» являлся Пожирателем Миров, чемпионом Кровавого Бога и предводителем Злобост с того дня, когда армии берсеркеров Кхорна начали свой крестовый поход на земли Империиума. Терминатор-предатель, словно статуя, недвижимый в своей безмолвной ярости, наблюдал за виражами кометы, несущейся в авангарде Кровавого крестового похода к своей следующей жертве. Воздух на палубе был пропитан яростью, жаром и ароматом крови, и тишина нарушалась лишь криками умирающих последователей Кровавого Бога. Дьявольские мутанты и твари с клыкастыми рожами, вооруженные зазубренными цепями, катили увешанную цепями вагонетку со свежими жертвами для гладиаторских боев. Рабы, выбравшись из своих камер, тщетно молили о пощаде. Глядя на них своими желтыми, змеиными глазами, лорд Хавлок приказывал казнить их. Как и его божество, Хавлок Хладнокровный питал отвращение к мольбам. Лорд Хаоса питался энергией своих жертв при каждом взмахе меча, выстреле болтера, разрывающего плоть, и мысли об убийстве.

Монстр-гигант, отталкивающий альянс человека и машины, неуклюже двинулся вперед. Твердая, как камень, плоть, словно рак, распространилась по броне и шлему твари, орудия, торчавшие из нее, были направлены вперед. В шлеме имелись две прорези для глаз, которые все время сочились кровью и покрывались коркой.

Освободившись от оков, раб рухнул на колени перед ногами Хавлока – дьявольскими копытами, давно слившимися с основанием трона. Гигант схватил молящего о пощаде пленника за голову огромной силовой клешней. Вторая рука представляла собой жужжащую пилу, в виде диска, основание которой было покрыто плотью. Одним взмахом монстр отделил голову и плечи от тела несчастного. Кровь фонтаном брызнула на лорда Хавлока и его приспешников. Закинув отрезанную голову в мешок с гниющими черепами, висевший на спине, монстр толкнул останки в яму. Плоть упала прямо на сгрудившихся внизу гончих плоти, которые тут же разорвали ее на части. Гигант проделал то же самое с двумя другими пленниками, пока очередь не дошла до девочки-псайкера, кружившейся в ветряном вихре. Цепи на ее ногах не давали ей вырваться из заточения. Лорд Хаоса облизал губы своим длинным, раздвоенным языком. Он кивнул, и охранник снял с пленницы цепи. Хавлок расправил пару своих черных демонических крыльев. Девочка плюнула в командующего «Злобы» и, освобожденная от своих оков, ринулась на монстра. Хавлок получал удовольствие от ее безумной ярости, отсутствии страха и желания убивать. Захлопав своими могучими крыльями, лорд Хаоса направил на девочку поток воздуха. Псайкер отлетела назад, попав прямо под струю огня, вылетевшую из решетки на полу, рядом с ямой. Она испустила крик боли и рухнула вниз. Крик стал громче, когда пленница распласталась на окровавленной гладиаторской арене, раздробленная кость вышла из колена.

- Это немного замедлит ее, - прошипел лорд Хавлок, убрав крылья за спину.

Толпа издала рев, когда еще один раб был освобожден из клетки. Схватив разделочный нож, висевший на крюке, на ржавой стене, чемпион ринулся на обездвиженную псайкершу. Крики и рев берсеркеров, казалось, слились воедино. Струи пламени взлетели на максимальную высоту, и разъеденный ржавчиной металл начал вибрировать. Умбрагг встал на колено. Все проклятые заговорили, словно одна сущность.

- Хавлок...

Даже лорд Хаоса преклонил голову и полностью спрятал крылья. Голос раздавался отовсюду, а его обладатель наблюдал за происходящим, сидя сверху.

- Мой господин, - произнес Хавлок, в его голосе чувствовался страх. – Великий Пилигрим, Правая Клешня Кхорна, избранный Медной Плоты. Чем могу служить, мой беспощадный господин.

- Я веду, - какофония злобы продолжилась, - Злобость следует. В какую часть обреченного Имперiums следует красная комета – физическое воплощение воли Кровавого Бога?

- На Терру, под вашим беспощадным командованием, Великий Пилигрим, прямо ко дворцу трупа-Императора и Вечным Вратам. На пути нам встретится мир веры, специально для вашего убийственного увеселения. Планета мертвых, где правят церковники трупа-Императора.

- Действительно планета мертвых, - прогремел голос Пилигрима изо ртов присутствующих. – Точите ножи, мои братья по резне, вскоре они испробуют плоть святош...

Я сплю.

Долгое время я жил в кошмаре. Мои глаза полуоткрыты и наблюдают за спектаклем, разворачивающимся вокруг меня. Я не в сознании и не сплю. Смесь обеих состояний. Чтобы проверить, спишь ты или нет, нужно ущипнуть себя. Так говорят. Мне не нужен этот тест, чтобы подтвердить, что я сплю. Узнать, что я нахожусь в бессознательном состоянии. Мир вокруг меня расплывается, словно я испытываю похмелье. Я хожу по миру-кладбищу. Цертусийский песок скрепит под ногами. Через оптику своего шлема я смотрю в горизонт. Передо мной – множество надгробных плит. Сверху – белоснежные небо. Затем, словно гром среди ясного неба, происходит взрыв, и на его месте образуется ядерный гриб. Небеса меняют цвет, сначала – черный, затем – красный и золотой. Стена пламени опережает взрывную волну, и инферно начинает распространяться по всей поверхности мира-кладбища. Я разворачиваюсь и бегу. Бронированные башмаки заставляют частицы песка подлетать вверх, пока я пытаюсь убежать от огня. Волна пламени уничтожает некрокомплексы у меня за спиной, я начинаю замедляться. Не расстояние замедляет меня, не вес керамики. Я перескакиваю через плиты, пламя сжигает все вокруг меня, мои башмаки начинают все больше и больше погружаться в землю. Я утопаю в ней, словно в болоте. Я начинаю погружаться в земляную тюрьму. Она обволакивает мои ножные латы, пластины брони и кабели. Мои ноги и руки обездвижены и, погружаясь все глубже и глубже, я вижу раздробленные кости, черепа и гниющие остатки плоти, даже стазисный гроб, а затем все это исчезает в черных глубинах. Через пару мгновений я буду полностью поглощен землей этого мира. Я оглядываюсь на пламя, безостановочное инферно огня и ярости, пожирающее почву Цертус-минор. Оно все ближе и ближе. Первобытные инстинкты берут верх, и я ныряю под землю, в мир тьмы и смерти. Мои линзы чернеют. Я прекращаю вырываться и позволяю миру-кладбищу поглотить меня, корка земли, надо мной, твердеет, пока огонь распространяет жар праведного гнева по поверхности планеты.

Керш открыл глаза. Воспоминания сна заполнили его сознание, словно вода, налитая в кувшин. Ему было трудно дышать, но одновременно он ощущал спокойствие. Сдиратель делал несколько жадных глотков воздуха. Он позволил голове склониться на бок. Рядом с ним сидел смертный. Зрение стало проясняться, и расплывчатые очертания обрели форму. Вефесда, его персональный серв и обтиратель, смотрела на него. Ее напряженное лицо расслабилось, и она улыбнулась с облегчением. Ее улыбка была простой и приятной, и он осознал, что рад ее видеть. Она повернулась и позвала кого-то. Дверь апартаментов труп-капитана открылась, и Мика вошел внутрь. На его лица отразилась ухмылка.

- Рад снова видеть вас, сэр. Я пошлю за аптекарием, сервами и оружейниками.

Керш кивнул и сел на край плиты. Она была холодной и жесткой, но Кнут испытывал ощущения и похуже. Он был без брони, в окровавленном стихаре, на котором был изображен символ Стигмученника. Одежда была свежей, как того требовала традиция, но кровь, как результат духовного «очищения», навечно пропитала материал. Опустив ноги на холодный, каменный пол, Керш почувствовал, как что-то стекает с его груди. Жидкокристаллическая пластина. Он поднял ее. На пластине был изображен глаз, открытый и смотрящий на него, словно хищник. Космический десантник почувствовал дискомфорт, глядя на это изображение. Оно словно изучало его. Под самой иллюстрацией, на Высоком Готике, было начертано название «Магнус Оккулярис». Кнут поднял бровь.

- Это работа Мелмоха? – спросил он.

Вефесда отрицательно покачала головой.

- Ваша броня, сэр? – спросил Мика, пока Керш расхаживал взад-вперед.

Мысли чемпиона всегда были заняты безопасностью его командира. Тусклый свет свечей отражался на сердитом лице Кнута.

- Подождет, - пробормотал Керш, подходя к тяжелой двери.

Услышав шум, труп-капитан остановился. Двери из стали и дерева были слегка приоткрыты. Через щелку Кнут узнал личного ликтора Главной плети Скейса. Серв стоял раздетым по пояс, его тело лоснилось от пота из-за прилагаемых смертным усилий по «очищению» плоти его хозяина. Керш также заметил бассейн крови, растекавшийся вокруг «очищаемого». Сенешаль и обтератель Скейса, вооруженные тряпками и ведрами, с трудом справлялись с кровавым потоком. Плеть был неподвижен, словно стена, а вся его истерзанная спина представляла собой одну большую кровавую рану. Боль и превозмогание были генетическим наследием и передавались через кровь. Деметрий Катафалк учил Сдирателей духовному единению с примархом через процедуру «очищения». Агония во время процедуры бичевания позволяла Сдирателю получить ответы от примарха. Керш не раз видел, как братья истязают себя подобным образом. Он делал то же самое, испытывая позор от потери «Стигмученника» и неспособности защитить магистра Ордена. И это возвращало его во Тьму. Долгое путешествие позволило ему переосмыслить прошлое и прийти к выводу, что его плоть должна служить иной цели в глазах Дорна, и что за духовным единением с «Мантией» скрывается лабиринт ненужных страданий, в котором он может остаться навечно.

Керш был настолько поражен этим представлением, испытывая одновременно печаль и гнев по отношению к Скейсу, что не расслышал скрежет гидравлической конечности Эзраки. Войдя внутрь, аптекарий закрыл за собой двери.

- Скажи Торалеху отправить послание капеллана, - приказал Эзраки брату Мика. – Проинформируй его о том, что труп-капитан – в сознании и требует отчета.

Мика кивнул и скрылся в тени.

- Я приказывал прекратить ритуал, - рявкнул Керш.

- А капеллан Шадрат настоял на обратном, - произнес аптекарий. – Тебя не было несколько дней.

Эзраки повернул голову Керша к себе и поднес к глазам Сдирателя небольшой медицинский фонарик. Так как у капитана остался лишь один глаз, Аптекарий сосредоточился на здоровом

глазе Кнута.

- Дни, - повторил Керш. - А рота...

- Шадрат напишет отчет. Будь спокоен.

Керш позволил аптекарию провести осмотр.

- Это - нездоровая идея, - произнес Керш, оглядываясь на дверь, но аптекарий вновь развернул его лицо к себе и продолжил осмотр.

- Я говорил со Скейсом, - ответил Эзраки. - Сейчас я больше беспокоюсь за тебя.

- Это были последствия Тьмы?

- Нет, - уверенно ответил Эзраки. - Я думаю, что дело в недосыпании. Даже Адептус Астартес нужен сон. Могу дать тебе что-нибудь для сна. Ты должен сообщать мне о галлюцинациях, если они возникнут снова.

- Думаешь, у меня галлюцинации?

- Приношу извинения, труп-капитан. Мы должны принять к сведению возможность неправильного функционирования каталепсического узла. Возможно, понадобится операция. Возможно, Тьма связана с проблемами в генетике, а не с духовным расстройством.

- Что ж, буду рад помочь разрешить эту медицинскую загадку, - произнес Керш, - просто исправь это, сможешь?

- Мне нужна операционная, такая же, как на «Ангелика Мортис». Однако, я рад сообщить, что ты снова годен к службе.

- Я полагаю, что это недомогание лишь усилило недовольство моим командованием среди братьев пятой.

- Братья недолюбливают тебя, это так, - честно признался Эзраки. - Ничего не изменилось. Однако, события опережают нас.

- Поясни.

- Следуй за мной.

Аптекарий повел Керша по спиральной, каменной лестнице. Даже в полном боевом облачении плечи Эзраки уместались в лестничном проходе, в то время как мускулистое телосложение Кнута не позволяло ему двигаться с такой же свободой. Они дошли до двери, ведущей на узкий балкон. Внизу возвышались черепичные крыши монастыря, а небольшая колокольня наверху упиралась в темное небо мира-кладбища. В небе мерцали звезды, а вдалеке за горизонтом протянулась гелиотропная дымка с Ока Ужаса. Но не ужас варп-шторма привлек внимание трауп-капитана.

- Кровь Катафалка, - произнес Керш.

Небо над Цертус-минор было разделено надвое, багровое пятно, тянущееся по всему звездному небу, словно кровавая дорожка, остающаяся за идущим, раненым солдатом. Только вместо солдата по небу плыла багровая комета.

- Комета Киилер.

- Комета приносит разрушения, - произнес Эзраки. - Это не просто знак. Если багровая комета появляется в небе - мир обречен.

- Прекрати говорить как пророк и дай мне конкретику. Что-то, что я могу уничтожить.

- Шадрат считает разведанные неточными. Комета не оставляет свидетелей на своем пути, - произнес аптекарий.

- Выжившие?

- Некоторые считают, что комета полностью поглощает мир, - ответил Эзраки, - другие - что она является некоторого рода демоническим вторжением. Имперский Флот сообщает об армаде, следующей за хвостом кометы, Кровавый крестовый поход, так называемый «Злобость». Экзорцисты, Серые Рыцари и наши кузены, Кулаки, по слухам, создали защитный кордон на Ванахейме, чтобы защитить Сегментум Соляр.

Взгляд Керша упал на поверхность планеты. Внизу виднелись некроплексы, статуи и мавзолеи, постепенно окутываемые тьмой.

- Сколько времени осталось до рассвета?

- Две, возможно три сотни часов по стандартному времени. Жители Цертуса-минор называют этот период «Длинная ночь».

- Мы должны отправить весть на Ванахейм, - произнес Керш. - Мы должны предупредить Легион Гадюки на Гелионии Ретикули. Каданцев...

- Проблемы уже начались, - произнес Эзраки, указывая вдаль.

Повернувшись, Керш взглянул на возвышающиеся шпили и башни Обсеки, закрывающие крышу мемориальный мавзолей Умберто Второго, словно стая ворон. Дым от пожаров распространился по всему городу, на улицах мелькали вспышки лаз-выстрелов. Среди всеобщего Хаоса Керш смог различить огромные толпы людей. Могильный лихтер, пошатываясь, взлетел вверх и взорвался прямо за колокольной. Керш представлял, какую панику и беспорядок могло вызвать появление багровой кометы. Труп-капитан направилося к лестнице.

- Я полагаю, эвакуация уже началась, - крикнул Кнут.

- Капитаны некрофрегатов освобождают места для знати, - произнес Эзраки с нескрываемым разочарованием. - Правящий класс и многие священники просто бросили этот мир. Никто не тратит сейчас время на споры, так скорость - путь к спасению.

- Понтифик...

- Остался, - произнес Эзраки. - Он заявил, что не покинет своих людей. Ну и конечно здесь остаются тысячи писцов и трудяг, не имеющих денег на билет.

- Сестры?

- Останки Умберто слишком хрупки для переноски, - пояснил аптекарий. - С понтификом или без него, Орден Августейшей Стражи будет защищать останки епископа. Я думаю, мы вряд ли добьемся от них большего.

Керш промчался вниз по лестнице и выскочил на оживленную улицу.

- Моя броня, - крикнул он своим сервам.

- Ты что-нибудь знаешь об этом? - спросил Керш, протягивая аптекарию кристаллическую пластину.

Эзраки взял ее.

- Кто-то положил ее на меня, пока я спал.

- Это карта из Таро Императора. Их используют члены библиариума, - произнес аптекарий.

- Отдай ее Мелмоху, - приказал Керш.

- Это не Мелмох, - ответил Эзраки.

Керш двинулся дальше, но аптекарий остановился. Он открыл ближайшую дверь и позвал труп-капитана.

- Керш!

Скривившись, Кнут повернулся и заглянул внутрь. Внутри находилась небольшая келья, которую Эзраки переоборудовал под временный аптекарион. Эпистолярый Мелмох лежал на кушетке, скрестив руки на груди.

- Он...

- Нет, - произнес Эзраки, когда Сдиратели вошли в комнату. - Но тело – холодное. Он дышит, но не реагирует на препараты и стимуляторы.

- Что случилось? – спросил Керш, пока Вефесда и Энох доставали пластины брони из ящика снаружи.

- Его нашли в таком состоянии, - ответил Эзраки. - Я думаю, это как-то связано с этим предметом.

Аптекарий вынул из шкафа небольшую, богато украшенную урну. Он передал ее Кнуту, и тот с интересом обследовал ее.

- Сестры сообщили, что она была украдена из мавзолея, мы обнаружили ее здесь, с Мелмохом.

- Что это?

- Палатина поскупилась на детали, но я узнал, что она используется в ежегодных церемониях. По словам верующих, материал внутри урны состоит из побочного продукта метаболизма Императора. Частицы пыли, заряженные негативной психической энергией, так мне сказали. По мне, так это - обычная урна, но сестры, во главе с Палатиной готовы были сжечь монастырь дотла, чтобы забрать ее.

- Зачем он сделал это с собой? – спросил Керш.

- Это еще ничего. С моменты появления кометы псайкеры начали умирать, - ответил Эзраки.

- Что ты имеешь в виду?

- Вешающиеся астропаты, сбрасывающиеся вниз навигаторы. Безумие.

- Что с «Ангелика Мортис»?

- Зарагоза мертв. Его птица взбесилась и перегрызла ему горло, - произнес аптекарий.

- Что не так с питомцем?

- Или Зарагозой, - отозвался Эзраки. - Кто знает? Шадрат приказал нашему крейсеру вернуться на мир-кладбище. Также в нашем арсенале - «Звезда Авигнора». Капитан хотел убраться отсюда, но у них остался один единственный Навигатор. Командору Бартемию дан приказ стрелять на поражение, если они попытаются уйти. Верховный астропат понтифика, навигатор и Мелмох - единственные выжившие псайкеры на этой планете.

- Капеллан Шадрат командовал пятой в мое отсутствие? - спросил Кнут.

Эзраки кивнул.

- Он приказал мне следить за твоим состоянием и завершил уничтожение монумента Губительных Сил.

- Монумент, - повторил труп-капитан, глядя на библиария. - Мелмох говорил, что он служит маяком.

- Ну что ж, теперь мы знаем для кого, - произнес аптекарий.

- Почему Шадрат не улетел? - спросил Керш. - Он же так хотел этого.

- Он не получал приказ об отбытии с планеты, - ответил Эзраки. - Я сказал ему, что твое состояние кратковременно. Капеллан ограничил свои обязанности твоими пожеланиями и мерами предосторожности.

- «Перчатка» заполнена горючим и готова к вылету. Ударный крейсер ожидает твоего приказа. Мы улетаем, ведь так?

Керш не ответил. Он бросил взгляд на урну.

- Мы должны вернуть ее...

- Керш! - повысил тон Эзраки. - Мы же собираемся улетать, не так ли?

- Ты хочешь, чтобы я бросил один из миров Императора, испугавшись какого-то знамения? – огрызнулся Керш.

- Что бы ни уничтожало миры на пути кометы, нас слишком мало для защиты планеты от неминуемой гибели, - рякнул Эзраки. – У нас есть корабль. У нас есть навигатор. Мы должны предупредить кордон в Ванахейме. Там, плечом к плечу с нашими братьями, мы сможем дать отпор.

- У нас есть астропат, - настаивал труп-капитан. – Мы пошлем послание. Легион Гадюки – самое ближайшее боевое подразделение.

- Это астротелепатическое сообщение должно будет преодолеть несколько световых лет, - ответил Эзраки.

- Значит, он удвоит свои усилия!

- Керш, не делай этого.

- Что не делать, Эзраки? Не выполнять приказ нашего магистра?

- Наша цель здесь выполнена. События развиваются не в нашу пользу. Нам нужно перебраться на Ванахейм...

- Мы – Сдиратели, - проскрежетал Керш. – Яростные воины. Наши прародители сражались на стенах Императорского Дворца. Мы – не вестники. Мы – Сдиратели, и под нашими ногами – земля Империиума. Мы преодолеваем и сражаемся, несмотря ни на что. словно это – наш Дворец. Я подвел магистра Ордена. Я не подведу Императора.

Оба десантника испепеляли друг друга полными яростью взглядами, пока сервы Керша прикрепляли его печати и оружие к поясу.

- Как и ты.

Эзраки отвел взгляд, когда в дверном проеме возник брат Мика. Чемпион чувствовал себя не в своей тарелке посреди разыгравшегося спора. Труп-капитан повернулся к юному Сдирателю.

- Передай капеллану Шадрату следующее: скажи ему, чтобы он и брат Торалех немедленно прибыли во дворец понтифика. Мы встретимся там.

Мика кивнул.

- Тебя это тоже касается, - добавил Керш, прежде чем перевести взгляд на обозленного аптекаря.

- И тебя.

Эзраки потупил взгляд и слабо кивнул.

- У нас есть послание для понтифика Олифанта и его главного астропата.

<http://tl.rulate.ru/book/30591/667721>